

Александр Якунов

Я

Череповец

2008

От автора

Я родился в г. Череповце в 1973 году.

В 1982 г. родился хоккеист Александр Якунов, который блистал в детских турнирах «Золотая шайба». В 1985 г. родился шахматист Александр Якунов, который спустя три года стал самым молодым чемпионом города. В 1990 г. родился филолог Александр Якунов, который стремительно прошел путь от студента до доцента за 8 лет учёбы. В 1998 г. родился Александр Якунов – адепт традиционных китайских боевых искусств. Наконец, в 2005 г. родился альпинист Александр Якунов, который успешно штурмовал вершину Парагельмен в Крыму...

Когда же родился поэт Александр Якунов? Можно сказать, что он рождался в муках с 1987 г., а в 2007-м впервые заявил о себе в полный голос. Конечно, были до этого выступления в кругу друзей, публикации в Интернете, подборки в альманахах «Воскресенский проспект» (г. Череповец) и «Автограф» (г. Вологда). Но всё это было так отрывочно, случайно, даже эфемерно. Поэт материализуется своей книгой, поэтому то, что Вы держите в руках, и есть Я – поэт Александр Якунов!..

А первые стихотворные опыты относятся ещё к школьным годам – юмористические стихи на случай. В студенчестве – махровый романтизм и упадничество: мотивы тоски, смерти, разочарования. Все эти потуги нашли своё закономерное завершение в костре, который устроил я из своей тетрадки стихов в 1993 г.: «Я сжёг свои старые рифмы. / Ты больше не будешь их слушать...».

В книге собраны только стихотворения 1994–2007 гг. В первоначальном варианте книги они шли по хронологии. Разделы ГОНЧАР, СЕРДЦЕЛОВ и ПОПУТЧИК сформировались стихийно. ГОНЧАР – это стихи о поэзии, об искусстве, о природе как вдохновляющем начале творчества. СЕРДЦЕЛОВ – любовные стихи. ПОПУТЧИК – стихи философские, жанровые зарисовки, стихи на случай.

Итак, прими, читатель, моё «собрание пёстрых глав»!

Вместо предисловия

Александр Якунов – личность в какой-то мере загадочная: в Интернете почти нет сведений о его «реальной» жизни. Окольными путями удалось выяснить только то, что он живёт в Вологодской области, является доцентом кафедры русского языка и общего языкознания Череповецкого государственного университета и, если не ошибаюсь, преподаёт древнегреческий на первом курсе филфака. Несомненно, языкознание наложило отпечаток на его творчество – в том смысле, что профессиональные филологи редко позволяют себе косноязычие и корявость в поэтических строчках, и Александр – не исключение. Однако «древнегреческого» содержания в его поэзии вы почти не найдёте – она прочно привязана к сегодняшнему дню, к окружающим реалиям и, собственно говоря, к авторскому «я».

Несмотря на некоторую «таинственность» виртуального образа Александра Якунова (обусловленную, по-видимому, простым нежеланием «светиться» без повода), его стихи сами рассказывают об авторе немало интересного. В них практически нет вымышленного «лирического героя» – Александр пишет о себе, пишет от первого лица, подкупая простотой, искренностью и естественностью своих переживаний.

Пожалуй, больше половины творчества Александра Якунова составляют стихи о любви. Надо сказать, что благодаря всеобщей грамотности и свободной публикации на поэтических сайтах этот жанр в наши дни существенно себя дискредитировал не столько массовостью, сколько банальностью, вторичностью, а зачастую и дилетантским отношением авторов к стихосложению. Сказать своё, особенное слово в любовной поэзии отныне равносильно подвигу – сегодня это сложнее, чем пройти по проволоке над пропастью, не свалившись при этом в штапы, фальшь, перепевы давно написанного или в обыкновенную пошлость. Именно поэтому любовная лирика стала в нашем 21-м веке, на мой взгляд, сложнейшим жанром, где настоящего успеха добиваются считанные единицы. И тем более обидно становится, когда откровенно слабые любовные стихи пожинаяют свой урожай похвал и восторгов, в то время как настоящая лирика Александра Якунова остаётся почти незамеченной широкими слоями поэтической общественности...

Думаю, я бы очень удивился, если бы узнал, что стихи о любви,

написанные Александром, – плод его фантазии. Конечно, проверить это невозможно, и всё же у меня нет никаких сомнений в том, что всё описанное происходило и происходит с ним самим, что ничего в этих стихах не приукрашено. А между тем, их эмоциональный диапазон весьма обширен – от явно эротических вещей до мотивов разлуки и расставания.

Конечно же, в творчестве Александра Якунова есть не только любовные, но и другие, самые разные мотивы. Из больших и малых событий его жизни, сиюминутных или повторяющихся впечатлений постепенно складывается цельный и уникальный мир. Стихи Александра рассказывают нам то, о чём сам он не стал бы писать в автобиографии. Оказывается, автор – походник и альпинист, его любимый город – Питер, а представители кошачьих – его маленькая слабость. Казалось бы, у кого только не встретишь подобных откровений «за жизнь», не претендующих на элитарность. Но...

Честно говоря, я не очень доверяю заезженной цитате: «в поэзии важно не *что*, а *как*». По моему мнению, безусловно важным является и то, и другое. Но если говорить о стихах Александра, то это самое «как» заслуживает отдельного внимания, ибо в нём таится секрет особого очарования его бесхитростной, на первый взгляд, лирики. В ней, действительно, много авторского «я», но при этом совершенно нет никакого авторского «эго». В отличие от многих других, «я» Александра Якунова – это не источник, не «светило», но призма, преломляющая окружающую действительность и придающая ей особый цвет, форму и игру теней. И раз уж мы заговорили оптическими терминами, доверительная интонация Александра предполагает обязательное присутствие «зеркала» – понимающего читателя, друга и единомышленника, которому можно, не стесняясь, доверить свои чувства и тайны – и получить ответное движение души.

Удивительно точный слух, чутьё на слово и образ – вот признаки, по которым стихи Александра Якунова можно выделить из общего ряда. И пусть его имя не гремит по всему русскоязычному Интернету, я надеюсь, что рано или поздно творчество Александра найдет отклик у тех, читателей, которым близка такая поэзия. Пожелаем ему вдохновения и удачи.

Андрей Моисеев

...И если подлинно поётся,
И полной грудью, наконец
Всё исчезает. Остаётся
Пространство, звёзды и певец.

О. Мандельштам

Я умею лежать и смотреть на огонь, на дрожащий бутон свечи. Я умею молчать, постигая закон прорастания тайн в ночи. За околицей сна волхование звёзд, пантомима теней тьма. Ты устал, вышившь деревцев упрямый рост и пружинистый шаг стиха. И в невнятице ветра узнаешь мотив, вспоминаемый с давних пор, и поймешь, что неведомой сказкой жив этот мир под вуалью штор.

Тончар

* * *

О.

Я умею лежать и смотреть на огонь,
на дрожащий бутон свечи.
Я умею молчать, постигая закон
прорастания тайн в ночи.

За околицей сна волхованье звёзд,
пантомима теней тиха.
Ты услышишь деревьев упрямый рост
и пружинистый шаг стиха.

И в невнятице ветра узнаешь мотив,
вспоминаемый с давних пор,
и поймёшь, что неведомой сказкой жив
этот мир под вуалью штор.

Скорлупа этих стен – ненадёжный щит,
как объятие в эпоху льда.
Но прислушайся: тайна в окно стучит
и незримо идёт сюда.

1994

Утро

За окном ещё шаманит ночь.
Утро только на часах моих.
И, гоня докучный сумрак прочь,
я твержу спросонок этот стих.

И пока ещё не закипел
закопчённый чайник на плите —
голос мой, что никогда не пел,
пусть звучит в безмолвной темноте.

А когда затеплится заря,
я пойду, сутулясь, в институт,
одинок в сердце затая
озаренье утренних минут...

1994

* * *

Т.

Мы пишем маленькую пьесу
со сказкой в действующих лицах.
Так дети бегают по лесу,
не опасаясь заблудиться.

Они зайдут в глухую чащу,
где нет испытанной дороги
и каждый камень заваливающий –
напоминание о боге.

И там, в безлюдности и мраке,
они прочтут без подготовки
природы ветреные знаки
и мира ветхие уловки.

Но станет холодно и жутко,
и сразу кончится потеха.
А тех, кто знал, что лес не шутка,
собьёт предательское эхо...

1994

* * *

Т. Р.

Окликни ветреный рассвет.
Беги за именем вдогонку
с наивной радостью ребёнка
в сырой траве оставить след.
Как будто может лёгкий след
разгладить времени воронку
и жизнь разбить чертою тонкой
на быт и сказку, тьму и свет...

1994

* * *

Весна раскрывает объятия
доверчиво всем и всему.
Встречают её не по платью,
тем более не по уму.

И где уж – проказнице милой –
ей было набраться ума?
Сугробы в ручьи обратила,
заставила плакать дома,

позволила солнцу пролиться
и с гомоном птиц и детей
улыбки вернула на лица
уставших за зиму людей.

Ну кто тут захочет мешать ей
блаженное длить забытьё?..
Встречают весну не по платью –
по сердцу встречают её!

1994

* * *

А. С.

Мы все немножечко поэты.
И я поэт, и ты – поэт.
Но вдохновением согреты
бываем раз – за много лет.

Мы все немножечко герои –
пусть не великие, но всё ж.
Вот только подвига порою
всю жизнь нетерпеливо ждёшь.

Мы все немножечко провидцы,
да только не в своей судьбе..
И в сердце каждого таится
тоска по самому себе.

1995

Мороцу

Твой хлеб – узоры на стекле,
резец твой скор и точен.
Но растворяется в тепле
затейливый листочек.

Мне ж больше нравятся слова –
сплетенья их прочнее.
Они упрямы, как трава,
и дышат вместе с нею.

Когда же точности добыюсь
и стих солью с узором –
в очах любимых растворюсь
под их горячим взором...

1995

Детство

О.

Сочувствий и помыслов детских
совсем не церковный хор,
нескладный, наивный, простецкий
о пустяках разговор.

Задорно взьерошена чёлка,
горит восхищением взор –
верхом на лошадке девчонка
несётся во весь опор.

А ночью на кухоньке тесной
солятся в разливе строки
предчувствия доли небесной,
и лошади, и пустячки...

1995

“Сновиденья, или Девица и зеркало”

(пантомимический спектакль)

Л. Г.

На двенадцать ударов попробуй
дыхание задержать.
И почувствуй, как мир особый
начинает в лицо дышать.

Сон дремучий туманит очи,
и незримо встают с колен
духи зеркала, девы ночи,
разбивая стеклянный плен.

Легконогие, как наяды,
осторожничают сперва
и неслышно порхают рядом,
не касаясь тебя едва.

Начинается странный танец –
по стене теневой узор.
Не Геката ль своих посланниц
отрядила в ночной дозор?

Очарована их шаманством,
ты не чувствуешь грани сна.
И в безмерное их пространство
ты невольно вовлечена...

...Но с последней волной Морфея
упорхнёт зазеркальный сон.
Даже памяти как трофея
по себе не оставит он.

1995

Снег

Т.

О снеге – хорошо иль ничего.
Он мёртвый. Да с чего вы это взяли?!
Вы видели, как делают его?
Вам просто так синоптики сказали!

Не верьте их заученным словам,
что снег – вода, замёрзшая на небе,
упавшая сюда на землю к нам
от тяжести. Что может быть нелепей?!

Но сами приглядитесь: он живой.
Вы нынче гость на снежном маскараде:
кружит снежинка в шали кружевной,
и хлопьев полк проходит при параде.

Вы скажете, что снег бывает зол,
когда свистит пурги слепая нежить.
То ветер, а не снег гулять пошёл.
Снег жертва, как и мы. Он чист и нежен.

Он таинство. Он танец. Он звезда,
разбитая на тысячи осколков,
упавшая на землю к нам сюда
от нежности, чтоб мы хоть ненадолго...

1994

Гончар

И. Е.

Следить за вращением круга,
ловя первозаданный момент.
Податлива твердь и упруга,
а руки – живой инструмент.

До обжига нужно немало
шальных оборотов пройти.
Не мог и Творец поначалу
подлунную форму найти.

Искусной рукой демиурга
подправить сырые края.
Следить за вращением круга.
Вернуться на круги своя.

1995

* * *

О.

Жили не впроголодь, жили в достатке,
чай по утрам, кто успел-не успел.
Течь ли в трубе или дырка в перчатке –
мелочь житейских обыденных дел.

Всё доставляло и радость, и муку:
просьбы соседей и шум за стеной,
тяга к мучному и ненависть к луку,
день по часам и пустой выходной.

В лёгких прозреньях бежали недели,
год миновал, никуда не спеша.
Что это было? Мазок акварели?
Чёткая клинопись карандаша?

1995

Школьные стихи

Кончалось лето сентябрём
и неожиданно – стихами.
Под парту прятал их тайком,
не открывался даже маме.

Была горда тетрадь моя
и не желала зваться школьной,
счищая кляксы бытия
с его любовью треугольной.

Добро и зло определив,
глагол мой ставил точки в споре:
кто безобразен, кто красив,
в чём наше счастье, наше горе.

И сам – певец иных начал –
я весь сиял, как небожитель.
Да жаль – никто не замечал!
Пожалуй, разве что учитель...

1995

Осенняя музыка

Е. Г.

Печальны слова и чиста
та музыка, что окликает.
Разыграна просто, с листа –
она точно лист улетает

в какой-то туманный предел –
и манит лететь за собою...
Но мы не летаем без дел
и любим пожухлую хвою.

Как короток лиственный век!
Шумлив, а в падении – ярок.
В награду – нетающий снег,
а музыка – просто в подарок.

1997

Ночной гость

Е. С.

Ночь – продолжение дня сумасшедшего.
Что ж, по заслугам и честь.
Не хлопочи для нежданно пришедшего
гостя – пусть будет, что есть.

Не заскучаешь и сном не забудешься
под прихотливый рассказ
о временах миновавших, и будущих,
и наступивших сейчас.

Плоть обретает, что любо и дорого,
в слове неспешном его –
то, что скрывалось от друга и врага
и от себя самого.

Беды и горести перелопачены.
Вынесен из дому сор.
Как черновик, переписанный начисто,
этот ночной разговор.

А завершит гостевание чинное
крепкий заутренний чай.
Что ж, расставайся с ночными морщинами,
новых гостей привечай.

1998

Мартовские ритмы

Ёлочка из-под снега
выглядывает несмело
и шурился онемело
в предзакатное небо,
откуда легчайшим током,
улыбкой, эфирным соком,
струится вниз одиноко
светозарное око...

О юная прелесть марта!
И снег ещё не замаран
и нам не грозит кошмаром
распутицы – держит марку.
Но, холод храня в глубинах,
как жемчуг, зернист на спинах
сугробов, что дремлют чинно
и хмурятся беспричинно.

А голых ветвей разводя
как дань календарной моде
ютятся на небосводе –
ещё не для них сегодня
улыбка, и сок, и нега...
Гляди: в ожерелье снега
пугливый ельчонок жмётся
к весенним ладошкам солнца.

1997

* * *

К.

Нам не сбежать от молний ледяных,
от тишины, снедающей рассудок.
Приходит ночь, и оголённый стих
искрит и жжёт, как в это время суток

и может жечь глагол, минуя речь,
минуя катакомбы лжи и страха.
А если сердце надвое рассечь –
живую плоть отменит горстка праха.

Выписывая наново сюжет
нелепой драмы нежности и долга,
из горьких слов мы сделали драже,
чтоб небо раздражать и тешить горло.

Не отменить невинный интерес –
глазёнки детские, оскал и рык волчицы...
И только фонарей жемчужный лес
нам не даёт во мраке раствориться.

1999

* * *

Е. С.

Подобно лёгким воробьям,
мы резво скачем по панели,
и жизнь читаем по ролям,
и все мы вышли из «Шинели».

На гвоздь повешенный шлафрок,
увы, не сманит нас уютom.
Мы помним час, мы знаем срок,
наш день расписан по минутам.

Хватаем крохи тут и там,
нам всё приязненно и мило.
Сжигаем сердце по ночам,
а утром дуем, чтоб остыло.

Ещё никто не сочинил
конца сей повести потешной.
Порой пытаемся, конечно,
да только хватит ли чернил?..

2000

Поэзия

Поэзия рождается на вдохе.
На выдохе она уже волна.
Сметая нас, как суетные крохи,
на волю вырывается она.

И мы, освобождённые, немые,
беспомощные, точно острова,
следим, как несказанная стихия
смывает изречённые слова.

2

Темна вода во облацех,
а жизнь пестра и сучковата,
и на неё мне тратить грех
свой дивный стих витиеватый.

Уж лучше где-нибудь залечь
в берлоге, в сумрачной пещере,
вотще оттачивая речь,
но... без сучков, по крайней мере!..

3

Шёпот железных уст
режет ночную тишь.
Город уныл и пуст.
Что же ты, друг, не спишь?

Глушишь на кухне чай,
тяжко сопишь в листок.
Может быть, невзначай
слепишь две пары строк...

Строк до того смешных,
что поутру поймёшь:
нужно для дел земных
тратить ночной сидёж.

2001

* * *

К.

Так можно жить и умирать –
ходить к друзьям, читать Бахыта,
сквозь неприкаянности сито
перегонять всю муку быта,
забот бессмысленную рать.

На суету и недосып
не полагайся в их оценке.
Утри заплаканные зенки,
уйми дрожащие коленки,
ответь судьбе небрежным thank you,
найди в романе прототип.

Поверишь ли, наверняка
такой отыщется, сердечный:
с карикатурностью потешной,
распространяя шарм нездешний,
перебеляя быт кромешный,
он в мир войдёт стопой неспешной,
где мы валяем дурака.

2001

Вечная драма А. С.

Ты, родившийся в прошлом веке,
похороненный в позапрошлом,
погребённый в библиотеке
вдохновеньем своим дотошным, –

стал критичней жителей Крита.
Ты – стоический эпикуреец.
Вечна внутренняя коррида:
ум играет, а кровь звереет.

И уносит тебя куда-то
в околичности вековые,
в тьму времён, где душа крылата,
где, быть может, рождён впервые.

10 января 2002

* * *

К.

Ты меня засыпаешь стихами,
а сама засыпаешь и спишь.
Ты не слышишь моих вздыханий
и во сне так забавно сопишь.
Тарахтит холодильник любовно.
Ухо форточка хладно вострит.
И граница меж нами условна,
потому что твой голос не спит.
Ты не любишь витийства и позы,
шутовства об одном башмаке,
современной докучливой прозы
и кота самоменья в мешке.
Потому так пронзительно тонок
волшебства именующий луч,
точно с тайной играет ребёнок
и случайно ломает сургуч.
Тишины необъятные кольца
разлетаются на островки,
будто сердце звенит в колокольца,
отделяя печаль от тоски.
Та глуха, глубока, безысходна,
а печаль и светла, и тиха,
и к тебе прорывается охотно,
проникая за створку стиха.
Если ж голос печаль обретает,
над стихами не нужно корпеть,
что сбиваются в лёгкие стаи,
а певца оставляют... сопеть!

2002

Княгиня С.

(по мотивам пьесы А.Н. Толстого
«Любовь – книга золотая»)

ЛЕА

Представь себя моложе на год,
в усадьбе княжеской, среди
глухих лесов, грибов да ягод,
да мужа с жабою в груди.
Вообразила? Вот и чудно.
Додумать прочее нетрудно:
томленье, чтение глупых книг,
да милый взор, да сон в беседке,
да нежный щебет, как на ветке
воробушки «чирик-чирик».

А после явь: дуэль, измена,
обида, ссора, жгучий стыд,
потом пронзительная сцена –
и он прощён, и долг забыт.
Вмешательство верховной власти
готовит новые напасти:
разлуку, вечную притом.
...Судьба дальнейшая шаблонна –
она хронически влюблённа
и не грустит о прожитом.

Январь 2003

На байдарке

С. 3.

...И тут кончается искусство
и дышат почва и судьба

Б. Пастернак

Почти индейская пирога
скользит по выцветшей воде,
и в ожидании порога
болтаем мы о ерунде.

Ты мастер вёсельной науки,
я новичок, и потому –
берёшь бразды правленья в руки
и залезаешь на корму.

Какое чистое движенье!
Подобен облаку челнок.
Степенных сосен отраженья
журчат почти у самых ног.

Здесь невелики перекаты,
но для меня, для новичка,
они как месть реки горбатой
за ту струю, что так легка.

Всё позади. И снова плавный,
согласный плеск весла с веслом.
Уже неважно, кто тут главный,
а важно то, что, невесом,

подобно лодке из бамбука,
кораблик наш летит туда,
где обрывается наука
и дышат небо и вода.

1 октября 2005

Братья-мOROЗЫ

От серебристого снежка
исходит лёгкий свет,
сугроб подвыставил бока,
мерцанием одет.

Над ним узорное шитьё
белеющих ветвей.
Всю ночь корпел, чиня бельё
морозец-белошвей.

Дошить осталось ерунда,
да из усталых рук
шальные пуговицы льда
выскальзывают вдруг...

Другой морозец не дремал –
чеканил по стеклу,
и джунгли белые сковал,
нестойкие к теплу.

Пресёк сосулек буйный рост,
чтоб не могли упасть.
Вон там, гляди, – драконий хвост,
а тут – акулья пасть!

А третий братец – лицедей:
лишь выйдешь на мороз –
сам станешь дедушки седей,
а щёки ярче роз!

Вот так умельцы-мастера
преображают мир.
Он хлюпал, плакал, ныл вчера,
был жалок, наг и сир.

Теперь звенит он, как струна,
хрустит, как леденец...
И смотрят братцы – вот те на! –
заботам их конец.

Их труд упорный нарочит –
на совесть, не за страх.
Покуда... оттепель молчит –
их неженка сестра!

18 января 2005

Барг

В. Г.

И губы немеют, и пальцы болят,
гитара звенит уже остервенело...
Младенческий лепет? Орфический яд,
снедающий душу и тело.

Чуть сердце рванулось – и хочется спеть.
Слова отпустить – что калёные стрелы.
Чтоб то, что дремало и плавилось, впредь
серебряной нотой звенело.

На кухне и сцене, в бесславном труде,
у века блатного в бессрочной опале –
о клёне влюблённом, о ясной звезде...
И вот они в точку попали!

28 сентября 2003

Два сонета

I

– Эй, клёвая герла, хилэй сюда!
– Фильтруй базар, салага, шмакодявка!..
И множится жаргон, как лебеда,
и стягивает горло, как удавка.

Да это не смертельная беда:
игриста наша РЕЧЬ и легкоплавка.
Опять же – молодёжная среда:
над ней ни патриарха нет, ни главка.

ЯЗЫК что переменчивый Протей:
вот, кажется, схватил его, владей
и облагай оброками и данью.

Но вывернется он семь раз на дню
и волю подавляет на корню
своей неумолимо тяжкой дланью.

2

О ценности стихов, о вкусе их и сорте
не прочь порассуждать и критик, и поэт.
К тому же так легко – состряпать книжку в Word'e
иль вирши запустить в открытый Internet.

И для одних стихи что мячики на корте:
один удачный финт – и вылетел сюжет.
Другие ставят их как опыты в реторте –
и плавятся слова, теряя звук и цвет.

Но есть ещё и те, кто слышит шум в аорте,
кто чувствует прибой и сердцем пьёт рассвет,
кто душу различит в последнем натюрморте
и пишет как живёт: семь бед – один ответ.

Пускай мне говорят, что жизнь – игра и опыт...
Волнуется заря, густеет крови шёпот...

2005

* * *

И ничего не исправила,
не помогла ничему
смутная чудная музыка,
слышная только ему

Г. Иванов

на крыльях вечеряющего дня
в пространство, обозначенное тенью,
несёт моя поэзия меня,
хлебнувшего цикуту вдохновенья.

из мира обескрыленных людей,
напыщенных дельцов и серебролюбцев,
ликующих трибун, очередей
за счастьем, подаваемым на блюде...

и кажется, стоглазые дома,
меня не видят, я не существую
для города, сводящего с ума,
швыряющего честь на мостовую...

вот так высокопарно, широко
душа моя откликнуться готова...
да рифмы все уходят «в молоко»,
и чуть горчит отравленное слово...

13 августа 2006

Возьми мое сердце усталое, как малую птаху, в ладонь и крылья его
нежно-алые горячим дыханием тронь. Оно отдохнёт и согреется в твоей милосердной руке и даже
и выпорхнет вдруг из горсти, чтоб это дыхание чудесное до звёзд ледяных донести.
ты можешь надеяться — сплет на своем языке. Но вспомнит просто
ра

Сергеев

* * *

О.

Возьми моё сердце усталое,
как малую птаху, в ладонь
и крылья его нежно-алые
горячим дыханием тронь.

Оно отдохнёт и согреется
в твоей милосердной руке,
и даже – ты можешь надеяться –
споёт на своём языке.

Но вспомнит просторы небесные –
и выпорхнет вдруг из горсти,
чтоб это дыханье чудесное
до звёзд ледяных донести.

1994

Тихий час

О.

1

Твоё дыханье ровно.
Ты дышишь, как ребёнок,
заснувший посреди
младенческих проказ.
Твой нежный профиль, словно
прелестный ландыш, тонок.
И дремлет на груди
котёнок. Тихий час.

2

Ты заснула и спишь сладко-сладко.
Этот сон для тебя – словно мёд.
И по сомкнутым векам украдкой
Тишина лёгкой пчёлкой ползёт...

1995

* * *

О.

Настанет вечер волоокий –
наперсник неги пуховой.
И ты, ныряя в сон глубокий,
в перине тонешь с головой.

Да будут снов соцветья, гроздья
благоуханны и нежны...
Хозяйка в доме ты и гостя
в стране, куда уводят сны.

Бесплотный призрак, тень тумана,
у изголовья твоего
как верный страж я тихо стану,
не подпуская никого.

Блеснёт луна щекой хрустальной,
пахнёт фиалкою ночной –
с её тоской, надеждой, тайной,
с её любовью неземной...

1995

Спортивная любовь

Ю. К.

Лёгкий ветер за спиною,
снег тяжелый впереди.
Все проходят стороною
с номерами на груди.

Я ж лыжни держусь упорно.
(Благо к лыжам прикреплён!)
Но бегу по ней притворно,
потому что я влюблён.

Знаю, вот она промчится:
ход коньковый, палок свист.
Улыбнётся мне лучисто:
– Эх ты, горе-шахматист!

Я сорвусь, лыжню отрину:
– Полетим теперь вдвоём!
И лечу... в сугроб на спину...
Это вам не ход конём!..

Все проходят предо мною
с номерами на груди –
лёгкий ветер за спиною,
снег тяжёлый впереди.

1996

* * *

К.

Пронизывает ветер до костей.
Хрустят никелированные лужи.
Зигзагами загадочными кружим
по городу со свитой теней.

Легко перебегают разговор
по трещинкам холодного асфальта,
и мысли уморительное сальто
порой перемежает милый вздор.

(О валенках, о лыжах, о родне,
о старых и о шапочных знакомых,
о символах, упрямо невесомых,
о внешней и обратной стороне.)

Так странно – неприкаянно бродить,
в потёмках, на окраинах рассудка,
и сердце, что струхнуло не на шутку,
блаженною истомой бередить.

Так сладостно – болтать о пустяках
и, воздух ледяной перебивая,
смеяться, о пространстве забывая,
о времени, о глупых ярлыках...

1999

* * *

К.

Свет лежит лукаво-ласковый
на лице твоём.
Солнце красит вечной сказкою
окоём.

Мерзнешь ты или волнуешься –
не понять без слов.
Разве вволю нацелуешься,
сердцелов?

Бахромою можжевельника
оторочен бор.
Слышат сосны корабельные
разговор.

Снег да розовые сумерки,
лёгкий полувздох.
Океан благоразумия
пересох.

Губы робкие и талые,
детская рука.
И мгновенья эти шальные –
что века.

8 ноября 1999

* * *

К.

Узкие улочки станут приютом
нашей любви, потаённой в очах...
День, что расписан почти по минутам,
скрылся из глаз, недовольно ворча.

О этот вечер, пушистый и томный,
искрами сыплющий из рукава!
Как мы с тобою, мой ангел бездомный,
быт променяли на эти слова?

На откровенья косматых ветров,
на белизну занесённого берега,
где нам с тобой, захмелевшим от бега,
чудится глазу невидимый кров.

1999

* * *

К.

Зябкий ноябрь невесомым касаньем
душу мою обогрел.
Там, где скосило глаза расписание,
я с ноября не у дел.

Там, где слова перемешаны с крошкой
(всюду щербатый гранит),
там, где на бедную чёрную кошку
сроду никто не глядит,

там, где густы коридорные тени,
парты исписаны вдрызг,
там, где за ширмой заученных мнений
прячут испуганный визг,

там, где нельзя нам встретиться с тобою,
близко главою клонясь,
там, где любовь приравняли к разбою
как незаконную связь,

там, где люблю с каждым днём всё сильнее
каждый твой шаг или штрих,
там, где я сам, как гранит, каменею
без поцелуев твоих...

1999

* * *

К.

С последним глотком дотлевающей мглы
уходит ночная эпоха.

И сумрак, смутясь, покидает углы,
и утро втекает с усилием смолы,
с блаженством невинного вдоха.

Нас утро баюкает в талой тени
в своих поролоновых лапах.
А мы-то мечтали, что в мире одни...
И нежности этой щемящей сродни
забвенного лотоса запах.

Лукавой ладошкой ведёшь по губам.
Часы – хладнокровные боги.
Мы выбрали нечет, а нас – пополам...
И чайник вскипевший небесным делам
подводит земные итоги.

1999

* * *

К.

Поблазнилось только, померещилось,
а глядишь – прошла по сердцу трещина,
и на сердце роковая женщина
и тоска, достойная любви.
И летишь с вершины одиночества,
позабыв отечество и отчество,
и грехи, и тёмные пророчества,
и возводишь Храм свой на крови.

Оглянуться, вырваться, раскаяться –
невозможно. Прошное икается
и в обнимку с будущим толкается
у твоих распахнутых дверей.
Что ж, входите – званы, да не прошены.
Чем из благ житейских огорошите?
Сердце – залатаете? раскрошите?
Или просто будете мудрей?..

1999

* * *

К.

Они встречались на углу
у городской библиотеки.
Цеплялся ветер за полу,
и мокрый снег летел на веки.

Он говорил ей невпопад
слова, меняющие что-то,
и фонарей волшебный ряд
лишь довершал его работу.

Она смеялась. Не над ним,
а над своим воображеньем.
И был легко преодолим
порог земного притяженья.

Они блуждали, как во сне,
от темноты в объятьях тая.
Мерцали звезды в вышине,
и город был необитаем.

Но подходил туманный срок,
исход казался неминуем.
И одиночества глоток
мы запивали поцелуем.

И так прощались полчаса
под окнами твоей подруги,
покуда наши голоса
не застывали в лунном круге.

1999

Граница

О.

I

Пролегает меж нами граница –
чёрной молнии светораздел,
где встречаются руки и лица
и сливаются тени от тел.

Терпеливо, как нить из кудели,
ты прядёшь – и свиваешь свой Дом.
Ты живёшь на пределе при деле
и гордишься семейным гнездом.

Но бывают минуты, мгновенья,
беспокойные, странные сны,
искры памяти, взоры, виденья,
над которыми мы не вольны.

И в томительном коловращенье
дня и ночи нагрянет, как гром,
вспышка горечи, спазм отвращенья
к тихой заводи с илистым дном.

К разговорам – плетению сплетен,
к этим сборищам старых друзей,
где былой самородок заметен
разве только по списку гостей.

К ожиданью и детскому плачу,
к редким ласкам и плоским словам,
и к тому, что могло быть иначе,
как когда-то и грезилось нам...

.....

Пролегает меж нами граница.
Мы нарушить её не вольны.
Тишина. Невесомые лица.
Пустота. Холодок вдоль спины...

2

Прелестной пошлости, невинной суете
мы поддались, как сладкому угару,
и подошли к невидимой черте,
где нам уже не уцелеть на пару.

Так, раздробляясь, крошится зерно
на жерновах невидимого быта
и оседает медленно на дно
мешка мучного муки неизбытой.

В усы смеётся старый мукомол,
пропитанный насквозь белёсой пылью.
Не чёрт хромой на мельнице молот,
а ветер судьбы её наполнил крылья.

Зерно сотрётся – будет добрый хлеб.
Подумаешь: к чему тут тратить нервы.
А если мир и кажется нелеп,
то лишь на первый взгляд.
На самый первый.

3

В нашей жизни обособленной,
разделённой на куски,
всё несхоже, всё особенно –
от любви до тоски.

Труд нелепый и бессмысленный –
это тление беречь,
прах, остывший и бесчисленный,
раздуть в горниле встреч.

Растерялась наша молодость,
молодечество ушло:
из золы маячит подлость
и подмигивает зло.

Непутёвой нашей долей,
точно лентой, повяжись!
Были просто Саша с Олей,
а теперь настала Жизнь.

1999

Валежник

К.

1

...Но сон не смертелен, он просто тернист,
как путь до звезды остроокой.
А жар – это немощный, дряхлый садист,
заснувший за пыткой жестокой.
Шершавой подушки навязчивый гнёт,
обрывки тоски в полубреде...
И кто-то незримый у ложа встаёт,
уверен в конечной победе...

2

Ты горло полощешь и лижешь чеснок,
заводишь роман с аспирином,
и век переводишь в отпущенный срок,
и хворь называешь ангиной.
Лекарство в крови поджигает мосты,
торопится: край-то неблизкий.
И боль вдруг замрёт у последней черты
и, может, уйдёт по-английски.

3

Я рядом с тобою – и боль далеко.
Песочное время «тикаёт» –
горошинкой в щель западает легко,
сквозь пальцы ручьём утекает.
На выпукло-вогнутой этой земле
мы вместе на холме и бреге...
Давай помолчим о сиреновой мгле,
о ветре, о воле, о снеге...

2000

* * *

К.

Устав от прозы близорукой,
я на себя гляжу с тоской.
О ночь, невысказанной разлукой
моё дыхание успокой!

Затянут мглою воздух синий,
отброшен снов мохнатый плед,
но в талой призрачности линий
фривольной чувственности нет.

Зажгу свечу в сём блёклом храме,
усядусь, как индийский йог, –
и потеку меж берегами
дневных печалей и тревог.

И все улягутся. Но эта...
Покуда мрак не поредел,
чистейший вымысел поэта –
её реальности предел.

...Сгоревший день за разговором,
дорога к низкому крыльцу,
туда, где ты прощальным взором
меня погладишь по лицу.

2000

* * *

К.

Сломаем график встреч и расставаний,
найдем язык для нежности минутной,
не затемняя длительностью мутной
прозрачный дар неожиданных узнаваний.

Так новый смысл освистанную фразу
преображает резкостью случайной –
и за ожившей, выпорхнувшей тайной
не поспевает стелющийся разум.

Ступенька вверх, щекотка поцелуя,
скупой алтарь гундосого подъезда...
А рыжий пёс, бронирующий место,
встречает нас, вниманьем не балуя.

Сосулек рост, как истые юннаты,
боготворим и держим на примете.
Вороний грай на все хиты на свете
не променяем – чем ещё богаты!..

Вот так бредём, измученные талью,
и ловим миг, когда судьба «под паром»...
Осенены прозрачным этим даром,
опалены любовью и печалью.

2000

* * *

К.

И с третьим снегом явишься ты снова,
ты выплывешь из памяти безбрежной,
ты выпорхнешь голубкой из алькова
напоминая нежности кромешной.

За ночью ночь летит не удержиимо,
и день за днём ползёт подслеповато.
Всё туже напрягается пружина,
отчаяньем и гибелью чревата.

Мы сотканы из детских суеверий,
из плотского желания и страха.
Я тень твою выталкиваю в двери –
она в окно врывается, как птаха.

Ну что ж, влтай, непрошенная гостя,
садись ко мне, как прежде, на колени
и выпромай нежданным даром тени
той нежностью наполненные горсти.

2000

Петербург - 2000

К.

На жёсткой подстилке из каменных плит
лев дремлет, расправив суставы.
А солнце, богов покидая синклит,
на паперть выходит, что тот инвалид,
и блещет собор пятиглавый.

Вот плавают утки. Забавный народ:
декабрь наступает – и бог с ним!
Простуженный город сегодня не тот –
сегодня повсюду отыщется брод
в сосудах его кровеносных.

В такие-то дни начинает хватать
за сердце неясная смута:
крадётся тайком, как полуночный тать,
и в горло вцепляется волку под статью,
заснуть не даёт почему-то.

Ты кажешься сном, что томит по утрам,
улыбкой, мелодией чудной,
видением, к чьим припадаю стопам,
но как я могу прикоснуться к губам
и к родинке этой межгрудной.

Ты где-то вдали, в измеренье ином,
в ином языке ты и веке.
И только, быть может, в забвеньи шальном
(ты в сон проникаешь, ты кажешься сном!)
я трону усталые веки.

Вечерних проспектов измерить разбег,
блуждать (если был я рассеян)
люблю я, покуда не чавкает снег,
и сквозь лабиринт прохожу, имярек,
себя возомнивший Тесеем.

Над камнем разлит электрический свет,
молчат затенённые скверы.
Ты где-то вдали, но сердечный привет
со мною, и чудится твой силуэт.
А всё остальное – химеры.

Ноябрь 2000

* * *

К.

Серпик месяца – коготь кошачий –
процарапал небесную высь.
Если к ночи становится жарче,
значит, мы друг за друга взялись.

Остывает нетронутый ужин,
оплывает свеча на столе,
и за окнами бьётся, простужен,
снежный ветер, с мечтой о тепле.

А по комнате мечутся тени,
по углам рассыпая золу.
Я целую лодыжки, колени,
и бедра шелковистую мглу.

В наших ласках так мало корысти –
жаркий шелест, невольная дрожь.
Ликование чувственных истин,
осторожности ломаный грош.

А под утро, ко мне приникая
сонноокиим горячим клубком,
ты почувствуешь, вечность какая
в мимолётном объятье таком.

8 марта 2001

Телефон

Тормозить непутёвые сумерки
колыханьем раскольницы спички,
узнавать в жалко бляющем зуммере
легендарную силу привычки.

Вот и все мои грешные радости
в этот час телефонного Вия.
Я поймал твоё сердце на разности
атмосфер, за которой – стихия.

Наши встречи, роса узнавания,
тишина, напоённая мёдом
полувзглядов, касаний, шептания...
Этот сон из бессонницы родом...

Вот и все мои грешные радости.
Ты ещё не замедлишь очнуться –
и тогда, разомлевший от праздности,
телефон будет к уху тянуться.

Будет ластиться к мочке проколотой,
и, впадая в экстаз ожидания,
флегматичный нетающий колокол
он услышит в ответ на рыданья.

2001

* * *

ЛЕА

Медлительно, мечтательно, волшебю,
заклеив щели в окнах и в судьбе,
я с Вами разговаривал душевно,
но было что-то мне не по себе.

Что рассказать Вам – прыткой и лукавой,
подобно козочке, с уступа на уступ
игриво скачущей? Робею, боже правый,
и чувствую – непроходимо туп.

Вы вся неистовство – и в жизни, и на сцене.
Вы, точно веер, ветрено-легки.
Но вдруг захлопнетесь – и в этой перемене
мы с Вами снова странно далеки.

Моё батрачество на ниве просвещения,
Ваш лёгкий бег тропинкой полевой...
Но здесь, на проводе, лишь тень болтает с тенью,
не замечая грани межевой.

Январь 2003

Примета весны

ЛЕА

Февраль на середине,
а в воздухе весна,
и в зимнем карантине
пробила брешь она.

И мы уже не рады
стерильному снежку –
больничные наряды
вселяют в нас тоску...

Но есть дыханье, запах
капели, вешних вод
и в радужных накрапах
прошитый солнцем свод...

.....

На дружеской пирушке
острот полна казна,
и чувствуют подружки,
что в воздухе весна.

И ты остришь со всеми,
соседей теребя,
мол, солнце «не по теме»
воззрилось на тебя.

Ты щуришься от света,
сиянье в волосах...
А мне весны примета
видна в твоих глазах.

Февраль 2003

Звезда

ЛЕА

Она звездою мне казалась,
а может, и была звездой,
когда щеки моей касалась
своей кудряшкой озорной.

Недосягаемой и близкой
была она. И ветер нёс
дыханье свежести альпийской
и дуновенье вешних гроз.

Как зайчик солнечный, беспечна –
над гнётом жизни скоротечной
смеялся ласковый огонь.

Но вдруг, упав самозабвенно
из галактического плена,
она легла в мою ладонь.

Февраль 2003

Гостья

ЛЕА

Высокий лоб и маленькая грудь,
упругий шаг и гордая осанка.
Как описать Вас, гостья-чужестранка,
зашедшая в мой сад передохнуть?

Глядит светло, но с прищуром чуть-чуть.
Во всём видна изящная огранка –
рука Творца. Так смотрит парижанка
в глаза художнику, вскрывающему суть.

Быть может, здесь окончится Ваш путь?
И этот сад – отличная приманка?
Но как, русоволосая цыганка,
Вас охватить и в Вас не потонуть?

И я иду по саду с Вами рядом
и упиваюсь животворным ядом.

Март 2003

* * *

ЛЕА

Голосили пленённые мартом коты.
Ты взвивалась из сумрака млечным огнём.
Затыкая друг другу бесстыдные рты,
забывали на миг мы с тобой обо всём.

Ты нежна, как цветок, и тебя целовать –
упиваться нектаром на пире богов.
Но мещанская нас не вмещает кровать,
в бесприютном просторе наш дикий альков.

Изнывает межножье – хотение тел.
Барабанчики дрожи и сердца тамтам.
Но когда бы я душу твою захотел,
что бы ты мне ответила там?

Март 2003

Молния

ЛЕА

Ты появляешься неожиданно
с непредставимой стороны,
ведёшь себя немного странно,
как будто мне не суждены
ни поцелуи, ни объятия,
и, точно молния на платье,
мы разойтись обречены.

Закат пылает хладнокровно.
Спешат прохожие домой.
Любовь, как вера, безусловна,
она теснит рассудок мой,
она летит вперёд хотений,
за ней бегут слова, как тени,
стихи – как волны за кормой.

Упряма ты и своевольна.
Да нет – уступчива, нежна...
А тонкий веер хлещет больно,
когда княгиня взбешена.
Но если вечер томно-матов,
со мной, злосчастный веер спрятав,
гуляет юная княжна.

И вот по улицам распутным,
где что ни шаг – то полынья,
порхаешь ты виденьем смутным,
и радость чистая моя
обожествить тебя готова:
одно бессмысленное слово –
и сводит молния края.

Апрель 2003

Гребень

ЛЕА

Черепашовый гребень тебе подарить,
чтобы время замедлить и встречу продлить,
чтобы ты не смогла, заправляя копну,
расставаньем разбить тишину.

В полночном трамвае куда-то трястись
и месить обречённо апрельскую слизь
нам с тобой не придётся, мой ландыш, тогда –
ты распустишься здесь без труда.

Где к окну приникает бессонный фонарь
и прожилки ветвей рассекают янтарь,
где царит беспорядок, бардак, беспредел –
своеволье предметов и тел.

Всё равно ты сорвёшься в бездонную тьму,
и рассвет мне придётся встречать одному:
на холодной постели бездумно сидеть,
черепашовый гребень вертеть.

21 апреля 2003

Майская девочка

ЛЕА

Ты будешь выглядеть на двадцать,
быть может, в тридцать два.
А нынче? Что уж тут считаться
и подбирать слова,
чтоб оправдать твою беспечность
и нежный трепет век, –
ведь у тебя в запасе вечность,
душистая, как снег
черёмуховый. Кто не знает
той майской маяты,
когда любовь сердца сжигает
и заодно – мосты?
Ты майской девочкой впорхнула
и в мой февральский день.
Был коридор пустынно гулок,
и скрадывала тень
твои черты, но странный танец,
касаясь тонких рук...
Я неуклюж, как новобранец,
в душе восторг, испуг.
Повадки ветреной красотки,
но умный разговор,
и нрав то яростный, то кроткий...
Не знаю до сих пор,
какая ты, моя свобода,
желанье, волшебство...
И не уйти мне волей года
из мая твоего.

25 мая 2003

Мне показалось

ЛЕА

На озарённый потолок
Ложились тени:
Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья.

Б. Пастернак

Мне показалось: у тебя
античный профиль.
Сидела, нитку теребя,
насупив брови.

Глядела чуточку поверх
стола и снеди,
как будто не было помех
твоей беседе:

сама с собой, отгородясь
от пошлых правил,
как будто впитывая связь
мечты и яви.

А я по комнате кружил
и руки прятал.
И что-то ел, и что-то пил —
так неопратно.

Тебя пытался забавлять,
шутил натужно.
И всё никак не мог понять,
что было нужно.

Не нужен этот разговор
и мельтешенье,
когда сплетается в узор
судеб скрещенье...

Ты улыбнулась, уловив
мой взгляд брутальный,
и оборвавшийся мотив
остался тайной.

Июнь 2003

Белые ночи

ЛЕА

Белые ночи. Чёрные дни.
Мысли серей золы.
Ладно. До встречи. Пока. Звони.
И – заселяй углы
памяти. Разве теперь всерьёз
вспомнишь февральский снег,
тот поцелуй в чехарде берёз,
тот сумасшедший бег
времени. Разве теперь поймёшь,
что нас вело тогда –
острое, как перочинный нож,
зыбкое, как вода.

Любит-не любит – знакомый счёт.
Время ромашкам цвести.
Лето меж пальцев песком течёт,
предвосхищая муть
осени. Сяду в трамвай пустой –
путь от тебя к тебе:
от Несмеяны-царевны к той,
что на моём горбе
ездил, а целовалась так,
что закипала кровь,
лихо из горла пила коньяк,
огненный, как любовь.

Имя твоё я на все лады
пробовал изменять.
И настроений твоих следы
тщился запечатлять
рифмами. Вот и сейчас леплю
из крокодильих слёз
образ, которым себя травлю,
и, может быть, всерьёз
думаю, глядя на пьяный люд
(белая ночь хмельна!),
не возвратить ли и мне уют
в сердце глотком вина.

25 июня 2003

Дыханье

ЛЕА

Я раньше и не думал, что у нас
на двоих с тобой одно лишь дыханье.

В. Бутусов

Любовь началась в половине второго
и кончилась в девять часов.
Ах, бог мой, какое неточное слово –
любовь.
Бесстыдное зеркало нас наблюдало,
не глядя, что в доме разгром.
Ты косу сплетала и вновь распускала
шатром.
Читали друг друга, как свиток старинный,
учились гадать по спине...
Но всё бы отдал я за выдох единый
во сне.
Когда ты возникла из пены былого –
так лакома карандашу, –
«Люблю», – прошептал я, но главное: «Снова
дышу».
И то, что теперь поменяло название
и стало доступно двоим,
вот это и было когда-то дыханьем
твоим....
Любовь началась в половине второго
и кончилась в девять часов.
Ах, бог мой, какое неточное слово –
любовь.

14 августа 2003

Коллекционер

ЛЕА

Собираю коллекцию расставаний.
Провожая тебя на свиданье к Ване
без объятий и целований.

Прожигаю зрачком перекрыть лифта.
Дурачок, даже до неба досверлив ты,
не поймёшь, где правда, где кривда.

А когда на прощанье кусаешь в губы,
я себя ощущаю пустым и глупым.
Не податься ли в душегубы?

Черепеховый гребень – пустая трата.
Ты живёшь по каким-то туманным датам,
и любовь твоя горьковата.

Обожаешь грейпфрут ты и крепкий кофе.
Я смеюсь – ты насупленно хмуришь брови.
Я сержусь – ты полна любви.

Но бывает, бывает, бывает сладким
твой уход: всё улыбочки да оглядки –
впечатленья, что всё в порядке.

14 августа 2003

Август

ЛЕА

Проходят над нами гремучие грозы,
дожди омыают нам ноги.
А в нашем романе ни капельки прозы
(обычно она в эпилоге).

Забавное лето. Подпольные встречи.
Скрываюсь, как Ленин в Разливе.
Твоё же искусство перчить и перечить
трезвит, как валянье в крапиве.

Болезненный сон рукотворного моря,
пряматый букет зверобоя,
кошачий дозор на дощатом заборе...
Июль, напоённый тобою.

Но август расставил свои многоточья
густеющей кровью рябины.
Пустые признанья разорваны в клочья,
за то, что близки и любимы.

Куда же нам деться от повести плоской,
от прозы, взирающей хмуро?
Вот разве лепить из остывшего воска
любви невесомой фигуры...

Август 2003

Остужа

К.

I

Прости мне холодную ревность,
расчётливый скальпель обид.
Любовь, как во гробе царевна,
вкусившая яблоко, спит.

На веки вспорхнула остуда,
по коже прошёлся мороз,
и ты различаешь отсюда
гробницу хрустальную слёз.

То яблоко лжи и раздора,
тщеславья и плотских утех
мы ей поднесли без разбора,
бездумно, под глупенький смех.

Она улыбнулась, вкусила,
доверчива, как мотылёк,
«...и зимняя ночь поглотила
пылавший в груди уголёк...».

Прости мне наивные сказки
с мерцанием небытия.
Посмертной заказывать маски
не надо... родная моя.

Листопад в охладевшем сердце.
Вспоминай обо мне легко.
Даже если некуда деться
и отчаянье велико.

Потерявшийся на границе
сна и яви, найдёшься вдруг –
начинают смеркаться лица,
размыкается тесный круг,

истончается ткань привычек
и уже не понять почти,
где журавль в облаках курлычет,
где синица свистит в горсти.

Напиши мне дождём осенним
на кленовом цветном листе,
чтоб отчаянье и спасенье
совместились в одной черте.

И пока не легла пороша,
занося наш недолгий век,
из какой-нибудь лжи хорошей
смастери для себя ночлег.

29 сентября 2003

Вспышка

ЛЕА

Начинается вечер. Неоновых ламп
ледяное сиянье ты видишь.
Острровершие тени растут по углам,
точно град очарованный Китеж.

Из пустынных дворов наползает тоска.
Сиротливо качается ветка.
От ладонки твоей заалела щека –
ты нежна беспощадно и метко.

Беспричинно. Неужто опять не пойму
этой брови в гневливом изломе,
этой вспышки твоей, непостижной уму
фонарей в летаргической дрёме?

Для чего-то ведь нужно тебе хохотать
над причёской моей непутёвой,
над словами, которых не будет хватать
для моей ослеплённости новой.

Погружается город в холодную тьму,
из которой ты яростно вышла.
Ни улыбки, ни слёз, голова как в дыму –
ничему не подвластная вспышка.

14 ноября 2003

* * *

ЛЕА

телефонными ласками
мне тебя не согреть
избалованы сказками
мы боимся стареть
обрастать постоянствами
гнуть хребет день за днём
ощетинившись пьянством и
темноликим огнём
мы больны одиночеством
наши встречи не лгут
как по имени-отчеству
эту силу зовут
чем бы сердце ни тешилось
лишь бы знало её
да на шею не вешалось
как пустой медальон
оступаясь и падая
я настигну тебя
полуночной руладою
звонко в ухо трубя
но устами лукавыми
ты смеёшься в ответ
или будем не правы мы
по прошествии лет

Декабрь 2003

В кафе

ЛЕА

За сумасшедшинкой во взгляде
какой скрывается подвох?
Ты так накручиваешь пряди,
что грань стирается эпох.

И вот в излюбленной кофейне,
где тишина и лепота,
где посетителям «до фени»
проспекта гул и суета,

твой холод выдержать отчаясь,
срываюсь на высокий слог.
А ты прихлёбываешь чаю,
на стол поставив локоток.

И без язвительной насмешки
твой голос равнодушно нем –
так белка цапает орешки,
но не поделится ни с кем.

Вот допит чай, и так бесплотен
былого времени наряд.
С фотографических полотен
всё те же призраки глядят.

И только выскочим за двери,
забыв придворный политес,
услышим вдруг (ушам не веря):
– Карету для княгини С.!

30 декабря 2003

* * *

ЛЕА

Заползаешь мне на грудь,
хочешь ласки.
Ни прижать, ни оттолкнуть
без опаски.
Взор дурманяще-слепой –
как сквозь нежить.
Что же делать мне с тобой?
Холить-нежить?
Позабыть как сон дурной
день вчерашний.
Нынче вот же ты, со мной,
зверь домашний.
И любить, как будто год
был святошей,
поглощая неги мёд
сердцем, кожей.
Между нами нет преград
на постели...
Но твоих укусов яд
где-то в теле.

7 апреля 2004

Берёзы

ЛЕА

Берёзы играют в пятнашки,
рябят и кружатся в глазах.
Окрестные многоэтажки
теряются в их волосах.

А сквер оборудован скверно:
дорожек из гравия нет.
А наша любовь эфемерна –
сквозь листья мелькающий свет.

А мы поглощаем фисташки,
как будто весь век провели...
Берёзы играют в пятнашки –
беспечные дети земли.

Сентябрь 2003

* * *

ЛЕА

Что можешь написать ты кроме лжи
сейчас, когда за клавиши берёшься...
Отравлен звук. Сгорели платежи.
И ты её теперь не дозовёшься.

А то круженье в городе чужом
по зачумлённым торжищем бульварам
с открытым сердцем, лёгким багажом
и странным счастьем, выпавшим задаром...

Забудь, забудь, какие пустяки...
Кормленье уток, маленькие страсти
большой души. Короткие гудки.
И снова ночь в разлуке и контрасте.

Апрель 2004

* * *

ЛЕА

Гуляли по обшарпанному берегу,
где всё «облагородили» собаки...
Ты любишь симулировать истерику
и доводить меня почти до драки.

– Ты что орёшь? Отстань...
И всё по правилам.
Но я уже бешусь, как бык-трёхлеток.
– А хорошо бы в речке утки плавали
и поскорее наступило лето!..
– ?!..

Слабеют нервы, вымирают ордами...
О, если бы мы сделались иными
и не были упрямыми и гордыми!..
...То не были б живыми и родными.

21 апреля 2004

Медовый месяц

ЛЕА

Верь-не верь, а время летнее,
хоть и льёт как из ведра.
Жизнь проходит незаметнее,
чем пиццанье комара.

Рядом озеро Никольское,
чайки носятся вдали.
Ни о чём кричат, ни сколько их –
так понять и не смогли!

А под крышей жили голуби:
забрались на водосток
и сидят, втянувши головы,
близ голубки голубок.

Вот и церковь с тенью в облике,
с небом свод у ней един.
Служат здесь щеглы да зяблики
для берёзок и рябин.

Чем тебя утешить, милая?
Снова дождик на дворе.
Десять дней – лишь капля малая
от зарубки на коре.

...А медовый месяц тянется,
заполняя окоём.
Если мы с тобой расстанемся –
до утра не доживём.

26 июля 2004

Стрела

ЛЕА

Очевидность невероятностью
заменить попытался, но
это кончилось неприятностью,
потому что не суждено
при луне, неизбежно тающей,
мне тебя целовать в плечо...
Я-то думал, меж нами та ещё,
что когда-то жгла горячо,
своевольная и всесильная,
обещавшая смерть украсть,
легконогая и двужильная,
затмевавшая разум страсть.

Не касаться тебя ни помыслом,
ни мелеющим взглядом, ни
заповеданным свыше промыслом,
что осенней тоске сродни,
ни рукой, ненасытной, алчущей,
ни устами, чья ласка – плен...
Не касаться тебя... Не знал ещё
я немислимей перемен,
потому что стрела калёная
прободала сердце насквозь,
и оно тогда, уязвлённое,
с ненавистой стрелой срослось...

21 октября 2004

* * *

ЛЕА

Схватить за плащ, пока ты не сняла,
не дать уйти, прижать к себе, придвинуть
упрямый рот, и даже край стола
не остановит жаркую лавину...

Вот так всегда, когда заходишь ты
в мою дыру без признака кровати,
где зеркала как спящие холсты
(и ты пришла собой расколдовать их!), –

я застываю. Зренье потеряв,
теряю время. Ты проходишь мимо
(я сознаю, как жалок и коряв),
снимаешь плащ и вот – недостижима.

Уже включила музыку, легко
скользишь по-над обшарпанной дорожкой.
А по стене, затянута в трико,
родная тень порхает понарошку.

Ну да, коньяк найдётся и лимон,
общажный быт пахнёт забытым раем.
А поцелуй – беспамятен ли он?..
И вот уже мы в шахматы играем.

Мы говорим о разных пустяках,
скупым огнём горит свечной огарок.
И ничему не быть «наверняка»:
твоя любовь – нечаянный подарок.

...Вот так всегда, когда заходишь ты
в мою судьбу без призрака порядка,
где ожидания – ветхие мосты, –
и ты пришла спалить их без остатка!

3 ноября 2004

Не ищи, побудь со мной

I

Ты ушла, как уходят в хорошем кино,
оставляя причины за кадром.

Я пошёл, как дырявая лодка, на дно
на потеху бобрам и ондатрам.

Ты сказала: мы больше не свидимся впредь
и вдвоём никуда не поедем.

Я отправился в чащу глухую реветь
на забаву волкам и медведям.

Ты сказала: не надо искать и звонить,
психовать, умолять, возмущаться.

Надо просто принять, надо просто простить
и уже навсегда распрощаться.

Вот стою в коридоре я с трубкой в руке –
четвертован, расстрелян, повешен, –
непонятные слёзы текут по щеке,
безутешная жилка дрожит на виске,
и, наверное, вид мой потешен...

26 сентября 2004

2

Уходя – уходи. Безнадёжно, безбожно, грешно
мне мечтать об ином, как «Титаник» спасти от удара.
Ты решила сама, ты сказала об этом давно:
мы с тобой не подходим друг другу, и значит – не пара.

Как я курс ни равнял, эхолотом ни вспахивал дно –
на невидимый айсберг наткнулась любовная лодка.
Я цепляюсь за прошлое – рвётся, крошится оно..
Ты пришла как чума, а уходишь теперь как чахотка.

Сколько раз повторить это слово – смущённо, навзрыд,
обречённо, безмолвно, – чтоб стала молитва морская?!..
Вот сегодня опять между буквами «Л» я УБит..
Ты не можешь уйти, потому что я сам тебя не отпускаю.

29 декабря 2004

Я забыл твои губы – медвяный настой,
ускользающий сок апельсиновой дольки,
земляничный распадок... Куда ты? Пстой!
Или буду я пьян поцелуями только?..

Я забыл твою кожу, её шелковистый прибор
под моими руками, набеге её и отливы,
и тончайшей финифтью на сгибе узор голубой,
и до боли знакомые родинки – метки счастливых.

Я забыл твои руки – холодные пальцы, ладонь,
безутешную в праведном гневе, на ласку скупую.
Я забыл, как когда-то в припадке любви молодой
целовал её бережно, линией жизни любуясь.

Я забыл твои волосы, плечи, глаза
(я б и к ним подобрал ювелирное слово!)...
Я забыл, я забыл, я забыл тебя, за...
...И тебя забывать мне приходится снова.

11 февраля 2005

Март

ЛЕА

Ты знаешь, у древних римлян
и год начинался с марта.
И что ты ни говори мне,
я чувствую пыл азарта,
когда за тобою следом
бегу по дорожке парка,
но греческою календой
ты вновь ускользаешь... Парка

никак не желает вместе
сплести наши судьбы-нити.
И даже в прощальном жесте
зимы – никаких открытий.
– Не жить мне с тобою в ссоре, –
твержу, как последний нытик...
Ты словно закат над морем.
Моя же любовь – в зените.

А я всё хочу в охапку
схватить тебя, но при встрече
теперь не теряю шапку
и голову – время лечит,
калечит, разнит, тасует,
лишает огня и речи...
Но март мне «глаза разует»,
покуда сам не дал течи.

А солнце кладёт румяна
на мартовский лик холодный...
Но сердце ликует пьяно,
поскольку оно свободно.
Свободно любить и мучить
и втайне, и принародно,
свободно «дойти до ручки»,
до края, куда угодно!..

«О юная прелесть марта!» –
когда-то трубил мечтатель.
Теперь что ни слог – ремарка,
теперь что ни взгляд – некстати...
...Свободно пройти по краю,
сказать:
– Не ломайся, хватит!
Всё, я тебя забираю.
– С какой...
– С древнеримской стати!

7 марта 2005

Той, которая шьёт

I

Та, которая шьёт,
продевает в иголку
вместе с ниткой моё
чувство меры и долга.

Как проворна игла:
то нырнёт, то взлетает,
вот сквозь сердце прошла,
расставанье латая.

На безлюбье и я,
раб страстей, полукровка,
за добычу сойду.

Но замнётся швея,
потеряет сноровку,
охладеет к труду...

II апреля 2005

2

Тишина висела в комнате,
как поблёкший гобелен...
Я в глаза глядел знакомые
и от горя каменел.

Где-то ритмы заработали,
начался «кордебалет»...
Что мне делать со свободой,
если сердце в кабале?

Театральным жестом выведу
что-то вроде «всё о'кей»
(нет зеркальнее щита).

Ночью – слёзы в кулаке,
и слонов не сосчитать,
не понять простую выгоду...

17 октября 2005

Потому что душа больна,
я иду босиком сквозь бред,
и печаль наполняет след,
как нахлынувшая волна.

Если волосы цвета льна
мне напомнит мелькнувший цвет,
побожусь, что на красный свет
пробегала сейчас Она.

Чтобы снова была весна
после стольких безвёсных лет,
мне не жалко сойти на нет,
пробудясь от дурного сна.

Даже если очнусь в раю,
не забуду печаль свою...

17 октября 2005

В стране песчаных бурь...

Е.

1

В разлуке день что год:
плетётся еле-еле.
И двадцать лет пройдёт
за эти три недели.

Но через двадцать лет
любовь моя всё та же:
её манящий свет
в Россию путь укажет.

В стране песчаных бурь
безоблачное лето,
но русская лазурь
теплом любви согрета...

2

Раскинет ночь волшебный полог,
сольётся море с вышиной...
И будет сон глубокий и долог,
где ты со мной...

В стране песков и бедуинов
ты будешь грезить стороной,
где на закате снег малинов,
где ты со мной...

Надменно смотрят пирамиды
на все дворцы любви земной...
А вот шалаш, невзрачный с виду,
где ты со мной...

3

Под струями душа
нагая наяда...
И тело послушно,
и капельки градом,
сверкая, спадают
с распаренной кожи...
Она истекает,
а кончить не может...

4

Обволакиваешь меня
пеленою своих касаний...
То, вдруг милость на гнев сменя,
пожираешь меня глазами...

Твоим ласкам послушна плоть,
затвердевшая плоть мужская...
Так нисходит к тебе Господь.
Между бёдер Его впуская...

5

Черноволосая красавица
со взглядом серны молодой
так робко, трепетно ласкается
и изнывает подо мной...

Её соски как виноградины,
к ним припаду, от страсти пьян!..
Пройду все всхолмия и впадины,
как самый нежный ураган!..

Как будто тело двуединое
одна душа приобрела...
И сладко спит моя любимая
в шатре покоя и тепла...

6

Заснуть немудрено, когда над головой
египетская ночь в сверкающем уборе...
Но... хочется любви и хочется домой,
и грусть не утолит ласкающее море...

7

Ты стала чуть ближе
в своём туристическом рае...
Отсюда я вижу,
как ты на песке загораешь.

Мираж или чудо –
нагое прекрасное тело...
(И даже отсюда
я вижу, как ты загорела!)

8

Засыпаешь меня СМСками,
засыпаешь, прижавшись к груди моей,
правда, мысленно, но так естественно,
точно самое необходимое...

9

Я целую твои оголённые плечи...
Только лаской смогу снять с тебя я усталость.
Ты закрыла глаза и вкушаешь сладчайшие речи.
От тревоги твоей ничего не осталось...

10

Ты не одинока – помни...
Я тебя своим плащом укрою,
отпою тебя зелёным чаем...
На руках тебя держать легко мне,
забавлять словесною игрою,
ничего вокруг не замечая...

11

Катанье на верблюде –
бессмертная игра!
Там где-то снизу люди,
собаки, детвора...

А ты плывёшь над всеми,
качаясь в такт шагам...
...прорвавшийся сквозь время,
приравненный к богам!..

12

Страница моя! С каким трудом
Оторвётся лайнер от земли...
...исчезая точкою вдали...
обретая родину и Дом...

13

В весну возвращаясь из лета,
возьми красноморский загар,
пустыню в пыланье рассвета,
заката безжалостный шар,
весёлый костёр бедуинов,
верблюда торжественный шаг...
Возьми как... набор витаминов
для русской весны «на ушах»!..

Быть возлюбленной поэта –
это рок.
Ты без рук уже раздета
парой строк.

Это мука, лучше камень –
и с моста!
Ты обласкана словами
и взята!

Быть возлюбленной поэта –
это крест:
нет запретных для его сюжета
мест!

Обессмертит он за это
те места...
Быть возлюбленной поэта –
красота!

Скука мигом канет в Лету
близ него...
Быть возлюбленной поэта –
волшебство!

Быть любовницей, и музой,
и женой,
быть опорой, и обузой,
и родной...

Февраль 2007

Иногда застыли с небом наравне — неодолимы, нерушимы и осязаемы вполне... Слова ломаются, как спички...
Иногда на край вселенной, где горизонт багрянолик, где белоснежные вершины расхожей тропки, пойти себе куда-нибудь. Из риторического плена, из прозаических вериг — куда-нибудь

Понимчик

Воробей

Мой дом не бывает пуст.
Вот присел на карниз воробей –
вертлявый, смешной карапуз,
врачеватель моих скорбей.

Серый, пушистый ком,
собиратель вселенских крох.
А на улице снег с дождём –
поздней осени тяжкий вздох.

Водит клювиком вверх и вниз
и, не зная, что я в тепле,
мне кивает: ну что раскис?
Мало ль зёрнышек по земле...

1994

После дождя

Стёрся след на горизонте
грозной тучи дождевой.
Вот и всё. Под мышку зонтик –
и легко идти домой.

Пыли нет. И пуха тоже.
И у неба на виду
я – единственный прохожий –
мокрой улицей иду.

Обхожу большие лужи.
Через малые – прыжком.
Никому уже не нужен
в чистом небе голубом.

1994

Освобождение

Из тьмы на свет, на воздух топкий
с улыбкой детской шагнуть
и, сторонясь расхожей тропки,
пойти себе куда-нибудь.

Из риторического плена,
из прозаических вериг –
куда-нибудь на край вселенной,
где горизонт багрянолик,

где белоснежные вершины
застыли с небом наравне –
неодолимы, нерушимы
и осязаемы вполне...

Слова ломаются, как спички.
К чему же спички на свету?..
...А горный воздух с непривычки
горчит и тянет в пустоту.

1996

Про котю

О.

I

Ты совсем ещё глупый котёныш –
несмышлёный, смешной малыш.
Неумеха, ты в блюдец тонешь
и со страху всю пиццу съешь.

Что твой голос? Булавки тоньше!
Ну, не бойся моей руки.
Подойди же поближе, тронь же,
запуская в ход коготки.

Оторвали тебя от мамы.
Всё другое – не как вчера:
был “один из”, а нынче “самый” –
посреди чужого добра.

Вот удачно упал с дивана
и побрёл изучать углы:
все коробки и чемоданы,
стулья, кресла, шкафы, столы.

Ох, и дока по этой части!
А глазёнки в ночи востры...
Ты – наш оберег от напастей
вроде нечисти и хандры.

А вы слышали, как в деревне,
себя забыв, до хрипоты, –
кто беспардонней, кто напевней –
ревут влюблённые коты?

Они маячат на заборах,
крадутся к окнам в темноте,
и с каждым страстных песен ворох –
как гимн кошачьей красоте.

И, как на рыцарском турнире,
они стекаются в овраг..
А если слишком враг настырен –
подвал сгодится иль чердак.

Крепки клыки, точён и точен
незачехлённый коготок.
И вот – разбит, искусан, включен –
противник чешет наутек.

.....

Пора любви придёт в апреле.
Всё лето – войны за престиж.
И стать бродячим менестрелем
ещё успеет наш малыш.

Вот так же сядет у окошка,
как полный страсти трубадур,
покуда мнительную кошку
не поразит стрелой Амур.

1995

Житейское дело

Зима-кружевница клялась и божилась,
что осени дни сочтены
и мы позабудем октябрьскую сырость
под бархатно-снежные сны.

И мы к ней готовили шапки и шубы,
вязали шарфы и носки.
Вот, думали, кончится дождик беззубый –
и снег повалит взапуски.

И снег повалил. Ах, какая отрада
глядеть, как белеет земля,
как иней на всё надевает наряды
из бисера и хрусталя!

Но осень-старуха хитра и ревнива –
не хочет уйти без следа.
И вновь проступают сквозь снежную гриву
октябрьская грязь и вода.

Заминка? Бывает. Житейское дело.
На день, на неделю... на год?
И снова, как саван, земля побелела,
и панцирем выгнулся лёд.

Шарфы и носки мы связать не успели,
и нам остаётся теперь,
отдавшись во власть атаманше метели,
глядеть на закрытую дверь...

1995

Праздник

Е. С.

Ах, праздник, весёлой смутой
сердце влеки к себе!
С кем-то меня перепутай
и затеряй в толпе.

Искоркой сумасбродной
серый мой глаз прищурь.
Выстави принародно
всю мою блажь и дурь.

Вот так гульба – потеха.
Эх, раззудись, плечо!
Что за гримаса смеха –
кислая, как дичок?!

Горе тоске кондовой,
что семенит вдогон.
Башмаки расшнуровывай –
и босиком бегом!

В пёстрых нарядах спрячусь,
в омут нырну шальной
и потону, дурачась,
в дикости площадной.

Кто я? Не помню. Где я?
Солнца не узнаю.
Праздник, бери смелее
путную жизнь мою!

1997

* * *

И незаметно наступает осень.
Не осень жизни – осень как сезон.
Крепчает ветер, и уже несносен
в отёках туч свинцовый горизонт.

Желтеет лист. С подкравшейся коварно
болезнью он не в силах совладать.
Он к веткам льнёт, но те неблагодарны, –
и уступает: время опадать.

Докучлив дождь. Законченный фанатик,
идёт себе по лужам без калош,
по крышам полуночным, как лунатик,
по стёклам, как нервическая дрожь.

И я брожу по дому. Половицы
скулят бессонным псом сторожевым.
А ночь темна, как будто нет границы
меж вечной тьмой и мраком дождевым.

1996

Мой Анчар

Тлетворный дух проник в меня давно.
Неровен час, он вырвется на волю.
И растечётся чёрное пятно
по платью, как орда по чисту полю.

Негодный к делу ратному доспех.
Но здесь как такового нет и боя:
стремленье без надежды на успех,
коварная игра с самим собою.

И саблю занесёт не янычар,
и стрелы не из ханского колчана.
Тлетворный дух проник в меня. Анчар.
Кривая тень на памяти песчаной.

1996

Белоцерск - 97

О.

1

Автобус то плавный, то тряский
плывёт по бетонной реке.
Пылают июньские краски
за окнами невдалеке:
как будто огнём изумрудным
на солнце блистает листва.
Нам жарко, и дышится трудно.
Сидячая поза мертва.
Кто бдит, подавляя зевоту,
кто спит, развалившись кулём.
И помнит земную заботу
один человек за рулём.

2

Мы едем в чужие хоромы,
и бравый задор гостевой
ещё не растрочен. Но дома
нас ждут – и нас тянет домой.
Пронизанный зудом курортным,
чтоб ветхость свою приодеть,
пропитанный духом озёрным,
как рыба, попавшая в сеть, –
нас город встречает, и слышен
сквозь шёпот раскидистых лип
и колокол – звонче и выше! –
и в сквере качелевый скрип.

Пройдёмся по улочкам узким,
от бежевой пыли сбежим,
освоим подъёмы (и спуски!)
на вал, на песке полежим,
скупнёмся, настроим качели,
сыграем в четыре руки,
от бархатных лиственниц ели
начнём отличать... Чудаки!
А память заполним сиренью,
что буйствует навеселе,
катаньем, подобным паренью,
на лодке, подобной стреле.
И, солнцу глаза намозолив,
уже отправляясь назад,
запомним, как дивно лазорев
высокий над озером плат.

1997

* * *

Е. С.

На листьях уже вековая печать.
Им поздно метаться и поздно кричать –
им время срываться и падать.
Вон тот желтолиц, а тот – краснокож,
а этот немного на... негра похож!
Финальная их эскапада.

Мы ж белые люди, нам время цвести,
опавшие листья сминать на пути
и к цели идти планомерно.
Но порох сырой, или возраст не тот,
иль просто покоя пример не даёт.
Смеяться над падшими скверно.

И мы не смеемся, мы с ними равны.
Холодное солнце на глади стены
выводит прощальные метки.
И мы, проникаясь осенней хандрой,
грустим и себя ощущаем порой
как лист, отлучённый от ветки.

1997

Жара

А. В.

В оранжевом мареве небо зависло
на западе, а на востоке – лазурь.
Жара донимает – и плавятся числа.
Ах, лето, не температуры!
Жара пронимает. Мольбам не внимая,
нас в каменный термос загнав,
жара не скучает, себя расточает,
сжимая круги, как удав.
Жара прижимает нас к стенке, и тени
мы ищем у каждой, у каждой стены.
И тело послушно велению лени,
а мысли давно сочтены.
Жара проникает асфальтовой лавой
во все переулки, проезды, дворы.
Едва ли какой-нибудь зонтик плюгавый
способен спасти от жары.
Вот вечер, гляди, но не стало прохладней,
и так же, как в полдень, дышать тяжело.
А солнце ещё неприступней, громадней –
в полнеба его разнесло.
Вот скрылось, пропало, сверкнув опереньем,
но краткая ночь малокровно бледна –
и длинное, нудное стихотворенье
приходит на ум вместо сна.
Что ж, пить остаётся фруктовые соки,
шипучку дрянную – искусственный квас,
и ждать терпеливо, пока на востоке
не вспыхнет оранжевый глаз.

1997

* * *

Почти как снежный человек,
бреду по городу ночному.
И оттого-то мокрый снег
мне доверяет как родному.

Он липнет ласково к ногам
и облепляет сверху плотно –
и тянет к девственным снегам,
но эта тяжесть беззаботна.

Алмазной пылью не блестит,
не сыплет зёрнами тугими,
а снежно-нежно так летит,
своё оправдывая имя.

И он готов пригреть меня,
как след, заснеженный мгновенно,
с собой в забвение маня,
но эта нежность незабвенна...

1998

* * *

Поздно, часу во втором или третьем, как вызвездит
небо такими огнями, что в пору повеситься, –
белой рогаткой, осколком, замаранным в извести,
выглянет острая мордочка юного месяца.

За перебранкою дум, за глухими обидами
тело своё ощущаешь серебряной лодочкой
и, порывая на время с пространством Евклидовым,
в ночь уплываешь за тенью своею чахоточной.

Там в тишину опрокинута музыка талая,
искрами звёзды горят в антрацитовом куполе...
Чем бы ни тешились очи – что отроки малые, –
лишь бы не плакали. Лишь бы их тьмою не кутали.

Там тектонических жил набухают соцветия,
чёрным разломом грозя. И мучительной старости
призрак горбатится в створе седого столетия...
Месяц – по младости века – не знает усталости.

...Как мне смириться с тобою, моё узнавание?
Спазмы тоски или приступы дикой весёлости.
Может быть, жизнь – это просто другое название
той неизбежности, вечности и невесомости.

1999

* * *

Постою у парашюта,
безнадёжно сплуну вниз.
Вот декабрь, а снега нету –
что за вычурный каприз?!
Наряжают где-то ёлку –
мишура да огоньки...
Только это всё без толку,
потому что втихомолку
сердце ноет от тоски.
Где же он, легко летящий,
то колючий, то святой,
в невесомость уводящий
и скрипящий под пятой?
Вот ещё один пример
нашей близости к Европе:
мы на аглицкий манер
нынче зиму не торопим.
Хоть в лаптях на босу ногу
выходи под Рождество!..
Снега нет – и слава богу,
снегу нет – и ничаво!
Но душа иной закваски.
Ей бы нянюшкины сказки
слушать вьюжным вечерком,
ей бы выкатить салазки,
ей бы высверкнуть коньком!..
Потому у парашюта
озираюсь я с тоской.
И Нева катит, как Лета,
а пора бы на покой.

Декабрь 2000

IRI

Процка

К.

Мне осень пережить
наскучило в душной келье.
А в слякоти благодать
отыскивать – всё ж веселье!
И вот он, «Английский парк»
(косая доска прибита),
где, может быть, сам монарх
прогуливался со свитой.
Дорожка петляет вдоль
то ль озера, то ли речки...
Банальность сказать позволю:
берёзы стоят как свечи.
Их много, и все легки,
бестрепетны, как весталки,
и можно из-под руки
глядеть на порядок жалкий.
А вот и утиный флот –
бесшумный и боязливый.
Закутанный пешеход
поёжится тут брезгливо.
Но я же легко одет,
а плащ мой сто лет не стيران.
Подошвы б моих штиблет
да смазать утиным жиром!
Но надо брести назад,
покуда не весь застыл я,
туда, где учёный брат
корпит над словесной пылью.
И, словно махнув вослед,
нагая качнулась ветка,
а солнечный арбалет
стреляет легко и метко.

Ноябрь 2000, Старый Петергоф

Нити

К.

I

Каждый день отходит от перрона
этот поезд с матовым стеклом,
и в дрожащей пазухе вагона
ты на время обретаешь дом.

Фонари, бегущие навстречу,
гулкий пульс бесчисленных колёс,
отголоски сумеречной речи –
как привычно это всё до слёз.

Впрочем, чай уже напочегарен,
можно пить и выдавать бельё...
Скоро полночь. Рейс уже в разгаре,
и ночная блажь берёт своё...

Может быть, пригрезится купанье,
дым костра и леса колдовство,
может, поцелуи, расставанье
в ненасытной прелести его...

Станция. Брожение в народе.
Крепкий дух вокзального бытья.
Две минуты. Путь опять свободен,
и легка стальная колея.

Ах, глазёнки, что же вы не спите?
Что ж печаль гнездится на челе?
И уводят спаренные нити,
прорезая молнии во мгле.

2

Вагонная тоска. Стучат колёса споро.
Душа захолонёт, предчувствия полна.
И хочется вздремнуть, и мнятся ревизоры,
которым нужно тут какого-то рожна.

Ну ладно бы, пришли, как люди посидели,
попили бы чайку с казённым сахарком, –
нет, всё перевернут, пощупают постели,
отыщут течь в трубе и пыль за рундуком.

А то ещё пройдёт в начальственном азарте
гроза речных мальков и штопаных сетей –
прищурит рыбий глаз и водит по плацкарте.
И мутная тоска приходит вместе с ней...

3

Свисток возвещает разлуку.
Сдвигаются брови сурово.
Теперь на купейную скуку
живое променяно слово.
Зажатый в вагонные рёбра,
сочится лимонный осадок.
Сдвигаются брови недобро,
предчувствуя скорый упадок.
Как волки зимой, разговоры
теперь неразборчивы в пище:
страшишься голодного мора –
придётся варить топорище.

О зыбкая прелесть ночлега!
Разгладить постели и брови –
и в мягкость казённого снега
нырнуть как завязтому профи.
Зрачок восприятие сузил
до внутриглазного обзора.
Тем временем стянутся в узел
стальные тесёмки простора.
И вот он рассвет окаянный
с подсласткой вагонного чая.
Посыпались вниз «обезьяны»,
на грубый призыв отвечая...
Мелькает предбанник столичный
в клубах полудрёмного пара,
и электропоезд двуличный
застынет за миг до удара.
Захватанный поручень хладен,
фальшивит дежурная мина.
А город к обшлагоу приладит
ещё одного гражданина.

4

Позади ещё один
переезд.
Но в окошко не гляди –
надоест.
Лучше просто помечтай –
чем не жизнь.
Или ложки посчитай
да ложись.
Будет утро мудреней
и добрей,
встанет солнце – всех теней
брадобрей.
Вот и кончится твоя
кабала,
и стальная колея,
как игла,
прободает горизонт.
И по ней
колесо за колесом,
всё слышной,
всё желанней, всё родней –
в уголок
проникаешь ты ко мне.
Узелок.

2001

Поздравление

Т.

С опозданием на две недели,
с лёгким привкусом лучших дней,
поздравляю тебя отселе,
из чертога родных теней.

Что ни вспомним – о сладкий морок! –
золотую волшбу свечей,
ледяное катанье с горок,
театральную статью речей...

Демиурги живых мелодий,
прорастающих сквозь асфальт,
струны памяти «на погоде»
переходят с басов на альт.

Эта дюжина лет что пропасть,
в ней, родимой, погребены
наша ветреность, наша робость,
упованья, гаданья, сны...

С опозданием на две недели,
с ощущением, что смерти нет,
поздравляю тебя отселе,
из приюта опавших лет.

Декабрь 2002

* * *

В. Ж.

Когда спросили мудрого Сократа,
зачем жениться должен человек,
ответил тот лукаво и предвзято,
поскольку сам напасти не избег:

– Женись, мой друг, без суетных вопросов.
Коль попадётся славная жена –
ты счастья плен изведашь сполна,
коль выйдет стерва – станешь ты философ.

20 ноября 2001

* * *

ЛЕА

Она кормила голубей,
насыпав семечек в ладошку,
и так забавно было ей
царить над ними понарошку.

А те садились на ладонь,
дрались за тёплую кормушку,
готовы взвиться – только тронь,
но рады вытеснить друг дружку.

Народ рассеянно спешил,
и только уличный торговец,
как будто камень сняв с души,
за ней следил, разгладив брови.

Забыл уж, видимо, старик,
как сердце тает помаленьку...
...И воробьи слетелись вмиг,
но робко жались на ступеньках.

Да будет пиршество для всех!
Ликуйте, маленькие черти!
Разделан голубь под орех
в их оголтелой круговерти!

Она поправила смеясь
под шапочкой упрямый локон,
как будто с миром этим связь
перерывая ненароком.

И ангел, тот, что прилетал,
спустившись голубем, покушать,
как будто тоже что-то знал,
почуяв родственную душу.

14 февраля 2004

Диоген

Облезлый кот крадётся вдоль помойки –
презренный бомж, кошачий Диоген,
постигший жизнь. И этот запах стойкий
он узнаёт сквозь мишуру и тлен.

Я тоже знаю жизнь, её капризы,
я тоже всё познал, во всё проник –
и этот кот, освоивший карнизы,
всего лишь мой непризнанный двойник.

Я буду жить без гнева и упрёка,
как этот кот, оставивший людей,
крадущийся легко и одиноко
за призрачной добычей своей.

2002

К. М. М.

1

Когда настроенье ни к чёрту,
и кошки скребут на душе,
и кровь, попадая в аорту,
не дышит восторгом уже, –
расправить смятенное сердце,
купить дорогого вина,
найти себе единовеца
и с ним проболтать допоздна.

2

Когда безумию навстречу
рванёшься ты, осатанев,
затрепетав, погаснут свечи,
взовьётся оголённый нерв.

Всё станет мелким и ничтожным:
друзья, работа, дом, семья.
А если что-то невозможно,
то лишь возврат из забытья...

Всё перемелется, конечно.
Из наважденья воротясь,
придёшь в себя. А время нежно
уже распутывает связь.

Что остаётся? Пепел в склянке.
Два-три словечка наизусть.
Да прокричать любви-беглянке,
что ей к лицу сегодня грусть.

13 сентября 2003

Петербург-2003

Н. Т.

1

В петербургском твоём тупичке,
где расписаны стены под масло,
где наивная вера в зрачке
оплывает горячей пластмассой,

или нет – во дворе проходном,
в погребках, в кроманьонских пещерах,
где, как муха в шкафу платяном,
засыпает наивная вера, –

да, в таких невесёлых местах
мы бродили с отважною Машей...
Этот город водою пропах,
пропитался беспечностью нашей.

2

Где кишел муравейник Сенной,
там теперь аккуратная плитка,
но влачится тот призрак за мной,
точно к платью приставшая нитка.

А всего-то три года прошло.
Я не верю в мираж упаковки...
Мимо книжных, соблазнам назло –
вот он, ветхозаветный Московский!

Где-то здесь в подворотню свернуть,
ускользнув от вульгарного века,
там по венам стеклом полоснуть
не спешит рок-н-роллная Мекка.

И когда выгребаю на свет
из пучин музыкального пульса,
замечаю, что призрака нет.
Или он темнотой захлебнулся?..

3

Кроманьонская эра темна,
но мы славно по ней погуляли –
через музыку, сквозь имена –
и теперь возвращаемся к Ляле.

К ней, беспечной, от страсти слепой,
беспощадной в гульбе и молитве.
(Напросившийся к ней на постой
просыпается тоном в палитре!)

Налегке на маршрутке, пешком,
по мостам, по забитым проспектам
проберёмся в окраинный дом,
изменив на мгновение вектор.

Чаепитье. Последний рулет
с приносящим забвение маком.
И желанье обратный билет
разорвать романтическим махом.

26 сентября 2003

Луна

Как скучно ей, должно быть, плыть
Над головой у нас,
Чужие окна серебрить
И видеть столько глаз.

Г. Иванов

1

Какая полная луна
на небе, влажном и высоком!
Она глядеть обречена
на нас холодным жёлтым оком.
Не сожалея, не скорбя,
на веру боль не принимая...
Погружена сама в себя
её улыбка ледяная.
А мы, как водится, глядим,
тоску свою в кулак не пряча,
и всей душой к луне летим
с какой-то нежностью щенячьей.

2

С изрытым оспою лицом
ты кажешься ещё прекрасней.
И ночь за ночью, сон за сном
ты загораешься и гаснешь.
Твой малокровный силуэт
нас покоряет без остатка,
и не один иссох поэт
над демонической загадкой.
Когда ты дивно хороша,
так что ж, тебя лаская взглядом,
тоскует бедная душа,
как будто нет кого-то рядом?

29 сентября 2003

Питер

М. К.

Воздух Питера солон,
а надышишься – горек.
Так с высокого мола
открывается море.

Глаз устал от стеснений
улиц – что коридоры.
Хочешь выйти из тени,
но тенета – весь город.

Львы, соборы, Петруша
беспримерного роста.
Сердце рвётся наружу –
на Васильевский остров.

Полдень. Пушка. Туристы –
старики да старухи.
Самому-то уж триста –
всё с серьгой ходит в ухе.

Причесался, побрился,
сдал на светскость экзамен...
Только не изменился,
и круги под глазами.

Всё бессонные ночи
под надрывы гитары.
Всё стареть он не хочет
и рождает кошмары.

Сны, достойные Кафки,
что и Брейгелю снились, –
люди в рыночной давке,
запах пота и гнили...

...Но прорвёмся на остров
по мостам по разлучным,
по-гринуевски просто
этот город разучим.

Там с высокого мола
открывается море.
Воздух Питера солон,
а надышишься – горек.

29 сентября 2003

8 Марта

Ляле

Восьмое марта. Талая вода
ещё не начала своё движенье.
А жизнь напоминает иногда
припадок головокруженья.

Малина жизнь прогнозам вопреки
горчит, а вожденная свобода
петлёй свилась на шее, и рывки
отнюдь не прибавляют кислорода.

Сегодня понедельник. Выходной.
Народ спешит к насиженным насестам.
Но, видно, нет планеты ни одной,
где для меня сейчас найдётся место.

Собака жизнь, казалось бы, легко
бежит себе по скользким тротуарам,
как будто просветленье велико,
как будто живодёрня далеко,
и это одиночество не даром...

8 марта – 20 апреля 2004

Попутчики

Попутчика нам выбрать не дано.
Кто виноват – Господь ли, чёрт ли, случай?
И вот судьба свела в купе одном
двух путников, один другого «круче».
Один почтенный батюшка с густою бородой,
с брюшком, чуть выпирающим из рясы,
другой – очкастый тип, не старый и не молодой,
по-книжному точить умевший лясы.

Долга дорога, общий интерес.
Очкастый взял Писание Святое
и к попику с вопросами полез,
и тот его вниманьем удостоил.
Но, видя, что беседе не предвидится конца,
зевнул и взял с провизией корзинку,
достал бутылку водки, два солёных огурца
и в довершенье сочную грудинку.

– Давай, садись к столу, что бог послал!
И говорун умолк на полуслове:
– А как же пост?..

Но батюшка сказал:

– В дороге можно. Ну, твоё здоровье!
Он лихо выпил, крякнул, аппетитно закусил,
но тот интеллигентно отказался.
И вот, куда поп бесцеремонно ел и пил,
всё яростней в молитвенник вгрызался.

В купе соседнем слышен женский смех.
– Ну что ж мы не по-русски эдак едем?
В дороге и расслабиться не грех!
И батюшка отправился к соседям.
Вернулся раскрасневшийся, подрясник растрепал,
и на щеках следы губной помады.
– Ты всё равно не будешь.

Выпил водки и упал
на полку, чтоб высвистывать рулады.

Но вострепнулся сдержанный сосед,
священника ответить заклиная:
– Скажите, отче, мне вот тридцать лет,
но праведна ль стезя моя, не знаю.
Живу я очень скромно, не курю, не пью вина
и в пост веду себя всегда достойно,
на женщин не смотрю и твёрдо знаю: плоть грешна,
молитвы же творю бесперебойно.

– Я правильно живу, скажите мне?
И батюшка ему ответил трезво:
– Ты, сын мой, добродетелен вполне:
ты правильно живешь, но... бесполезно...
И он заснул сном праведника, ибо был готов,
как облако, в лазури сна растаять.
А жизнь текла за окнами без правил и постов –
безудержная, грешная, святая...

Сентябрь 2004

Осенняя элегия

В поле осеннем не сыщешь приюта.
Кажется, над головой
ветер то что-то бормочет кому-то,
то переходит на вой.
Русло дороги почти непролазно,
только не та это грязь,
где задышала ростком протоплазма,
бренная жизнь зачалась.

Рощи уже ослепительно голы,
и оскорбительно чист
бледного неба распахнутый полог,
точно непаханный лист.
Ржа разъедает земные устои,
всюду раздрай и разброд.
Даже по вечному бархату хвои
тёмное пламя ползёт.

В поле застыть – не велика наука,
вот и застыли стога.
Только вороны, шугая друг друга,
одушевляют луга.
Видеть вполглаза и слышать вполуха,
прах не тревожить ногой, –
может, меня и минует желтуха,
да и краснуха – на кой?..

День-коротень покатился под горку,
тёмен, как яблочный срез,
и на прощанье отдёрунул нам шторку
благообразных небес.
Веки прикрыть или спрятаться поздно –
запад багрянцем затёк,
точно набухший от крови венозной
к ране прижатый платок...

21 октября 2004

Ожог

Памяти А. В.

Обрывается жизнь, и с порога,
где стоял он, такой молодой,
уж не видно, какая дорога
зарастает травой-лебедой.

Век просрочен, и адрес потерян,
и душа устремляется вверх,
и царит среди небесных материй,
как последний ночной фейерверк.

Но опомнится небо пустое...
Равнодушие? Отчаянье? Шок?..
Или вправду ОНА того стоит –
на сетчатке оставить ожог?

25 марта 2005

Хибины - 2006

С. 3.

Так начинается хибинская весна:
мороз под тридцать и ворочаться без сна
от тесноты и жёсткости пространства.
Под боком девушка, но мысли не о том...
Эх, стать ненадолго... чеширским бы котом
и до утра не выходить из транс...

Но утро вечера бывает горячей:
скорее в валенки и сбегать на ручей –
бессонный отпрыск Малого Вудьявра.
И там, в беспамятстве пляша, как арлекин,
глядишь, как солнце долезает до Хибин,
оскалы скал очерчивая явно.

Вершины светятся, и снег их розоват,
и, гор кольцо уже не в силах разорвать,
мы будем уповать на восхождение –
когда надёжно замуфтован карабин,
вибрамы рубят снеговой ковёр Хибин,
и ледоруб – хозяин положенья.

Уже не холодно. Откол Тохтарвумчорр
гостеприимен, как набычившийся чёрт,
а наша связка вот уж на пороге...
Ещё под кошками похрустывает фирн,
а в грудь врывается не воздух, но эфир,
какой вдыхали греческие боги!..

Ты видишь: Имандра туманится вдали,
а вон наш лагерь – высоко ж мы забрели!
Теперь спускаться вниз по перевалу.
Хвала инструктору: он всех нас уберёт.
Хвала ногам, хотя уже не чуем ног.
Хвала друзьям хибинского закала!..

30 июля 2006

Себе любимому

не корабли но призраки печали
во тьме плывут
того гляди что где-нибудь причалят
сегодня тут

который век живёшь на белом свете
который год
была любовь теперь остались дети
и сто забот

презренный мир расчёта и наживы
ты отвергал
и все мечты из юношества живы
чёрт б их побрал

не стал скупей на ласку и на слово
не стал смурней
и голова по-прежнему бедова
да бог же с ней

был близорук и эдаким остался
жил год за два
и в кузов лез коль груздем назывался
без плутовства

теперь дойдя до возраста Христова
не торопись
пойми что жизнь не дойная корова
скорей сюрприз

живи легко как на душу положит
товарищ Бог
и будет взгляд со временем моложе
и легче вздох

и что б тебе ни предрекали люди
на склоне лет
дойдешь туда где времени не будет
а будет свет.

20 января 2006

Оглавление

От автора.....	3
Вместо предисловия.....	4
ГОНЧАР	7
«Я умею лежать и смотреть на огонь...».....	9
Утро	11
«Мы пишем маленькую пьесу...»	12
«Окликни ветреный рассвет...»	13
«Весна раскрывает объятия...».....	14
«Мы все немножечко поэты...»	15
Морозу	16
Детство	17
«Сновиденья, или Девушка и зеркало» (пантомимический спектакль).....	18
Снег.....	19
Гончар.....	20
«Жили не впроголодь, жили в достатке...».....	21
Школьные стихи.....	22
Осенняя музыка.....	23
Ночной гость.....	24
Мартовские рифмы.....	25
«Нам не сбежать от молний ледяных...»	26
«Подобно лёгким воробьям...».....	27
Поэзия.....	28
«Так можно жить и умирать...».....	30
Учёному другу.....	31
«Ты меня засыпаешь стихами...»	32
Княгиня С. (по мотивам пьесы А.Н. Толстого «Любовь – книга золотая»).....	33
На байдарке.....	34

Братья-морозцы.....	35
Бард.....	37
Два сонета.....	38
«на крыльях вечеряющего дня...».....	40

СЕРДЦЕЛОВ.....41

«Возьми моё сердце усталое...».....	43
Тихий час.....	44
«Настанет вечер волоокий...».....	45
Спортивная любовь.....	46
«Пронизывает ветер до костей...».....	47
«Свет лежит лукаво-ласковый...».....	48
«Узкие улочки станут приютом...».....	49
«Зябкий ноябрь невесомым касаньем...».....	50
«С последним глотком дотлевающей мглы».....	51
«Поблазнилось только, померещалось...».....	52
«Они встречались на углу...».....	53
Граница.....	54
Болезнь.....	57
«Устав от прозы близорукой...».....	58
«Сломаем график встреч и расставаний...».....	59
«И с третьим снегом явишься ты снова...».....	60
Петербург – 2000.....	61
«Серпик месяца – коготь кошачий...».....	63
Телефон.....	64
«Медлительно, мечтательно, волшебнo...».....	65
Примета весны.....	66
Звезда.....	67
Гостя.....	68
«Голосили пленённые мартом коты...».....	70
Молния.....	71
Гребень.....	73
Майская девочка.....	74
Мне показалось.....	75

Белые ночи.....	77
Дыханье.....	79
Коллекционер.....	80
Август.....	81
Остуда.....	82
Вспышка.....	84
«телефонными ласками..».....	85
В кафе.....	86
«Заползаешь мне на грудь..».....	87
Берёзы.....	88
«Что можешь написать ты кроме лжи...».....	89
«Гуляли по обшарпанному берегу...».....	90
Медовый месяц.....	91
Стрела.....	92
«Схватить за плащ, пока ты не сняла...».....	93
Не уходи, побудь со мною.....	95
Март.....	98
Той, которая шьёт.....	100
В стране песчаных бурь.....	103

ПОПУТЧИК..... 109

Воробей.....	111
После дождя.....	112
Освобождение.....	113
Про кота.....	114
Житейское дело.....	116
Праздник.....	117
«И незаметно наступает осень..».....	118
Мой Анчар.....	119
Белозерск – 97.....	120
«На листьях уже вековая печать..».....	122
Жара.....	123

«Почти как снежный человек...».....	124
«Поздно, часу во втором или третьем, как вывездит...».....	125
«Постою у парапета...».....	126
Прогулка.....	127
Нити.....	128
Поздравленья.....	132
«Когда спросили мудрого Сократа...».....	133
«Она кормила голубей...».....	134
Диоген.....	136
К Ляле.....	137
Петербург – 2003.....	138
Луна.....	140
Питер.....	141
8 Марта.....	143
Попутчики.....	144
Осенняя элегия.....	146
Ожог.....	147
Хибины – 2006.....	148
Себе любимому.....	149

Автор выражает благодарность группе «БАНЗАЙ»
и лично Генеральному директору
Василию Виноградову
за финансовую поддержку в издании книги

Александр Якунов

Я

Художник: Ю. Коряковская
Редактор: Т. Февралёва
Дизайн и вёрстка: М. Высоцкая
Корректор: Т. Викторова

Сдано в набор 03.12.2007, подписано в печать 27.12.2007.

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.

Гарнитура Gals. Тираж 1000 экз., заказ

Отпечатано в ООО ПФ «Полиграфист»

160001, Вологодская обл., г. Вологда,

ул. Челюскинцев, 3

e-mail: poligraf@votel.ru, form.pfp@votel.ru

© А. Якунов, стихи, 2007.

© Ю. Коряковская, иллюстрации, 2007.